

Экономические модели социальной этики в эпоху глобализации

© Толстокорова А. В.

© Tolstokorova A.

Экономические модели социальной этики в эпоху глобализации

Economic models of social ethics in the globalization era

Аннотация. Данная работа посвящена анализу экономических моделей, порождаемых процессами глобализации, с присущей им информатизацией общества, а именно: «экономики желаний», «экономики сотрудничества» и «экономики дарения» с точки зрения их социально-этической составляющей. Решительный выбор не только с этических, но и с прагматических позиций делается в пользу экономики сотрудничества. Представлена развернутая аргументация авторской точки зрения.

Annotation. The article deals with the analysis of two economic models generated by the process of globalization and the concurrent informatization of society, which are desire economy and sharing economy, in terms of their social ethics foundations. The author chooses the “economy of cooperation” and fundamentally argues her vision from the ethical and pragmatical points of view.

Ключевые слова. Социальная этика, глобализация, экономика желаний, экономика сотрудничества, экономика дарения.

Key words. Social ethics, globalization, desire economy, sharing economy, gift economy.

Все социальные организмы на протяжении своего существования переживают процессы как развития, так и деградации. То, расценивается та или иная тенденция в жизненном цикле общества как прогресс или как упадок, определяется его этическими нормами, т. е. представлениями о том, что есть добро, а что — зло, что есть добродетель, а что — порок. Отказ от четких норм, их размытость, этическая анонимия открывают двери деградации. При этом, как указывает Жан Филипп Плато, системы установок, определяющие нормы поведения людей в конкретном обществе и их ожидания от поступков окружающих, напрямую влияют на развитие государственной и даже мировой экономики, а соответственно — на качество жизни [17]. Парадокс современной «меркантилистской эпохи» [55] стоит в том, что социально-экономическое процветание общества потребления сопровождается духовной деградацией человека, десакрализацией и секуляризацией сознания и образа жизни, беспрецедентным ростом преступности и в конечном итоге —

ТОЛСТОКОРОВА Алиса Валерьевна — независимый научный эксперт, доцент, кандидат филологических наук (Киев, Украина).

антропологическим кризисом или «часом Быка», об опасности которого предупреждал еще И. А. Ефремов.

Ценой научно-технологического прогресса становятся дегуманизация культуры, моральный износ и духовно-эмоциональное оскудение человечества, деградация природы и гекатомбы жертв военных конфликтов. По словам Эриха Фромма, это процесс, при котором интеллект растет, а разум угасает. Осознание этого парадокса создает общественный запрос на концептуализацию взаимосвязи между существующими нормами социальной этики и моделями экономического поведения, господствующими в обществе. Целью данной работы является проблематизация экономических моделей межличностного взаимодействия, порождаемых процессами глобализации и сопутствующей им информатизацией общества, а именно: «экономики желаний», «экономики сотрудничества» и «экономики дарения» с точки зрения их социально-этической составляющей.

Социоэтическая составляющая экономических отношений в эпоху глобализации

Социальной этикой называют учение о социальных целях и ценностях современного общества, т. е. нормативное обоснование групповых, институциональных и корпоративных отношений. К ней можно отнести социальную этику политической, экономической, дискурсивной, институциональной сфер деятельности и т. д. [8]. В сфере экономических отношений социальная этика является залогом формирования таких форм организации труда, которые способствовали бы максимизации доходов и минимизации убытков.

М. Г. Делягин обращает внимание на важный, но мало осмысленный тренд в экономических отношениях глобализующегося мира, который можно расценить как парадигмальный сдвиг в его социальной этике: пока главным субъектом политики было государство, оно так или иначе сдерживало технологический прогресс ради сохранения удобной для него социальной структуры. Человек был основной производительной единицей и потому был востребован государственно регулируемой экономической системой. Однако с уничтожением Советского Союза и началом глобализации главным субъектом мировой политики окончательно стал глобальный бизнес, а логика фирмы, в отличие от логики общества, требует оптимизации издержек [10. С. 37–50]. Иначе говоря, высокая производительность новых, в первую очередь информационно-коммуникационных, технологий (ИКТ) приводит к резкому снижению численности людей, необходимых для производства потребляемых человечеством материальных и духовных благ. В этих условиях встает щекотливая этическая проблема «утилизации» «лишних людей», которые, за ненужностью, все больше и больше выталкиваются в виртуальную реальность [5. С. 139–150].

Таким образом, в эпоху глобализации этика приобретает социальные измерения, поскольку в этот период усугубляются как духовно-нравственные, так и социальные противоречия [18]. Амартия Сен обращает внимание на «сознательно “неэтический” характер современной экономики» [59. Р. 2], а В. Федотова указывает на «исчезновение этического пространства» [25. С. 469] в современной «гиперкультуре» с ее «хроническим извращением морали и этики, вызванным пристрастием к высоким скоростям» [34].

С онтологической точки зрения эти процессы можно осмыслить в терминах «теории повреждения», принятой в религиоведении и богословии и наиболее отчетливо выраженной в произведениях Джона Толкиена. В ее основе лежит тезис о том, что современный человек постепенно утрачивает верное представление о Творце¹, мире и о своем месте в нем [16]. Немалую, если не основную, роль в этом процессе играет глобализация, которая, согласно Т. Барнетту, ведет к принципиальным изменениям правил игры [29. Р. 29–30] и бросает вызов любым видам границ — как объективных (национальных, межгосударственных, институциональных), так и субъективных (на уровне семейных, межпоколенческих и межличностных отношений, включая морально-этические взаимоотношения между индивидами)

Это явление оказывает принципиальное влияние на онтологическую сущность современного человека, которая не столько меняется, сколько «размывается». Современный представитель поколения *Homo globalis*² — это и *Homo oeconomicus*³, и *Homo digitalis*⁴, и *Homo mobilis*⁵, и *Homo consumens*⁶ в одном лице [22. С. 165–176]. Это «биофинансовый субъект» [40. Р. 391–406] с «глобализованной биографией» [32. Р. 73], который значительную часть жизни проводит в виртуальном формате, утрачивая географическую укорененность, культурно-религиозную определенность, национальное своеобразие и превращаясь в «социального аутиста» — личность с ослабленными обратными связями [10. С. 37–50]. Неудивительно, что такой человек, как муха, вязнет в виртуальной реальности всемирной паутины — Интернета, благодаря которому спектр возможных соблазнов расширяется, и порок становится более доступным, а его причины усугубляются, из-за чего Интернет окрестили «мусорным ведром» и «отстойником истории» [5. С. 148].

В то же время человеческие достоинства, ранее являвшиеся залогом достижения успеха в обществе, сегодня утрачивают свое значе-

¹ В терминологии В. И. Вернадского — о ноосфере.

² «Человек глобальный» (лат.).

³ «Человек экономический» (лат.).

⁴ «Человек цифровой» (лат.).

⁵ «Человек передвигающийся» (лат.).

⁶ «Человек потребляющий» (лат.).

ние, поскольку их заменили высокие технологии. Духовные силы, волевые качества, необходимые для формирования здоровой личности, также не востребованы, т. к. для выживания человеку достаточно лишь научиться оперировать кнопками и клавишами. В результате происходит «отмирание моральных стандартов» [52], уважение к которым было традиционным мерилom достоинства человеческой личности.

С другой стороны, порождаемая глобализацией массовая мобильность населения планеты в сочетании с возможностями современных ИКТ приводит к взаимосвязанности человечества во всемирном масштабе. Высказывается точка зрения [65. Р. 29—36], что это открывает возможности для новой самоидентификации человека, нового «планетарного мышления» каждого отдельного индивидуума и соответственно — к появлению нового типа личности, «глобальных граждан» или «граждан мира», связанных между собой единой целью, глобальной перспективой и общей ответственностью за судьбу планеты. Эти люди исповедуют «глобальную социальную этику», определяя себя не по признакам расы, национальности, религии или географическому происхождению, а по признакам гуманности и человечности, отчуждаясь от имманентности, ранее предписываемой обществом. Этим личностям свойственен новый уровень сознания, которое Абрахам Маслоу определял как «само-трансцендентность» [51. Р. 1—9], т. е. способность нести ответственность не только за собственную жизнь, но и за судьбу планеты — состояние трансцендентной свободы, не знающей границ.

Таким образом, влияние глобализации на этические принципы современного общества очевидно. Однако исследователи указывают, что под давлением пресловутой политкорректности этическая составляющая глобализационного процесса упорно удерживается за рамками обсуждения [7. С. 7—13]. Между тем все социальные и экономические взаимоотношения, все экономические модели общества исходят из этических предпосылок и обычно имеют моральные последствия, причем далеко не всегда положительные. Свидетельством тому — «экономика желаний», возникновение которой во многом стало возможным благодаря современным транспортным технологиям и ИКТ.

Экономика желаний: зачем Чебурашке 500 эскимо?

Исследователи указывают, что сегодня «общество потребления» трансформируется в «общество наслаждения» [26. С. 70—79], т. к. процесс глобализации вызывает рост популярности философии гедонизма и основанных на ней жизненных практик наслаждения, интегрированных в глобальную «экономическую желаний» с ее собственной «геополитикой желаний» [61. Р. 287—319]. Эта модель экономической организации является результатом «перепроизводства свободы» [11]

и структурных неравенств глобальной экономики, предоставляющей привилегированным группам доступ к экзотическим вещам и телам [63. Р. 33—55]. Она зиждется на создании и удовлетворении новых желаний и потребностей, зачастую ложных и излишних. Нравственные ориентиры «экономики желаний» нацелены на санкционирование и оправдание сверхпотребления, убеждение людей в том, что они имеют право на удовольствие и удовлетворение всех своих желаний [1], включая самые порочные, находя в этом «духовное удовлетворение и утверждение своего “я”» [15. С. 153]. При этом рыночное действие приравнивается к политическому, а потребление рассматривается как проявление гражданственности и форма политического участия [53; 58. Р. 351—355].

Коммодификация и коммерциализация телесности: Вино Вавилонское

Народы пили из нее вино и безумствовали
Иеремия

Глобальный мир, пронизанный идеологией безудержного потребления, основан на принципе широкомасштабной коммодификации и «коммерциализации всего», включая нематериальные аспекты человеческой жизни. В современном «рентном обществе» [6], нацеленном на прибыль, товарную ценность приобретают даже такие сакральные категории, как любовь, дружба и интимность, невинность и святость детства, забота и уход. Товаром становятся не только производственные отношения и результаты труда, но и вся сфера «человеческого», включая телесность и анатомию. Возникают такие неоднозначные процессы, как «коммодификация заботы и ухода» [56]; «коммерциализация» и «маркетингизация» интимной жизни [42; 50]; «меркантилизация женского репродуктивного труда» [38. Р. 26—29], проявляющаяся, в частности, в суррогатном материнстве и торговле яйцеклетками. В результате происходит десакрализация человеческой жизни как таковой. И хотя высказывается сомнение в том, что подобная идеально-типическая модель общества тотальной рыночной экономики, в котором абсолютно все можно купить за деньги, может быть воплощена в жизнь в ближайшем будущем, в то же время признается, что процесс тотальной коммодификации и коммерциализации несет серьезные вызовы современному обществу и может привести к деструкции личности, т. к. способствует атомизации индивидов, усугублению неравенства и замещению гражданского общества экономическими субъектами, слепо максимизирующими собственную полезность.

Кроме того, высказывается мнение, что придание денежной стоимости нематериальным благам может существенным образом повлиять на способы доступа к ним [57]. Разделяя озабоченность Майкла Сэндела последствиями процесса тотальной товаризации, следует отметить, что

сомнения в возможности построения подобной экономической модели вряд ли имеют под собой основания, поскольку эта модель фактически уже построена. Дело лишь за тем, чтобы придать ей глобальный характер, охватив максимум населения планеты. Причем, в отличие от рабовладельческого общества, где товаризация жизни рабов была обусловлена их подневольностью и бесправием, против чего они периодически восставали, в современном обществе человек вовлечен в процесс собственной коммодификации на принципах «свободного выбора» в соответствии с призывом известного политика «продавать все, кроме совести» [2].

На тесную связь процесса глобализации с коммерциализацией телесности, способствующей «эстетизации порока» [23. С. 7], указывают многие авторы, подчеркивающие, что в последние три десятилетия капиталистическая реструктуризация и международная политическая экономия стали проявляться в самых интимных сферах жизни [44; 33]. В частности, одним из аспектов глобализации является коммодификация женщин и детей на глобальных рынках различных интересов (включая организованную преступность, туризм, военную индустрию), ориентированных на удовлетворение самых разнообразных порочных желаний, в том числе посредством «покупки транснациональной интимности» [43. Р. 57–75] и легитимации «культуры изнасилования» [27].

Так, глобализация дала толчок развитию мировой индустрии развлечений и секса, в которой задействованы преимущественно женщины-мигрантки, зарабатывающие маргинальным и рискованным путем. Исследователи указывают на очевидную взаимосвязь между стремительным распространением глобализации и возрастанием торговли детским сексом, поскольку две основные составляющие глобализации — туризм и Интернет — создали благоприятные условия для распространения педофилии и сексуальной эксплуатации детей, экспортируемых с периферии мировой капиталистической системы на продажу в странах Глобального Юга [54. Р. 12–140]. Хотя сексуальная эксплуатация не является исторически новым феноменом, возникновение в процессе глобализации новейших транспортных и информационных технологий, облегчающих мобильность населения, позволило увеличить географический размах подобной деятельности и расширить круг вовлеченных в нее — как жертв, так и бенефициариев.

В эпоху глобальной коммерциализации и международной мобильности появляется такой уникальный феномен, как «глобальное тело». Его появление вызвано тем, что большое, стареющее и дряхлеющее население западного общества становится активным потребителем и эксплуататором биологического материала, доставляемого из третьего мира. Человеческие органы и ткани, части абортированных зародышей [19] или даже живые младенцы экспортируются в центр мировой капиталистической системы в качестве биоматериала для

трансплантации обеспеченным клиентам, чьи тела утратили физиологическую функциональность и способность к биологическому размножению. Бесплодные семейные пары из обеспеченных государств покупают белокожих детей из Восточной Европы в целях усыновления, используют здоровых славянских и азиатских женщин в качестве суррогатных матерей для своих биологических отпрысков или же покупают их яйцеклетки для искусственного оплодотворения. Сформировался целый «репропоток» [46. Р. 180–202] людей и человеческих органов, направляемых с репродуктивной целью из сырьевого придатка глобальной экономики желаний в ее ядро. Таким образом, эта экономическая модель человеческих отношений имеет в своей основе социальный паразитизм и использование чужой жизненной энергии для удовлетворения собственных эгоистических побуждений и потребностей.

«Потребительская лихорадка» и погоня за соблазнами: «ящик Пандоры» эпохи глобализации

Амбросий Амбрузович, а что будет,
когда оно все потребит?..
Какое будущее у данной модели?
...Очень уж активно оно потребляет...

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Как уже указывалось выше, в экстерриториальном глобальном мире, не имеющем естественных границ и очевидных мест проживания, понятие расстояния превращается в анахронизм и легко преодолевается посредством новейших ИКТ, создающих эффект компрессии пространства и времени [30]. В транснациональном социальном контексте этого нового мира человеку нет необходимости пересекать физические границы, чтобы приобщиться к жизни в самом удаленном уголке планеты. Переключаясь с одного телевизионного канала на другой и кочуя по Интернету, человек пребывает в роли вечного гостя, некоей «социальной бабочки» [36], беспечно порхающей между реальностью и «метареальностью» [35], нигде не задерживаясь надолго. Человек этого типа поражен «потребительской лихорадкой» с ее «синдромом потребления» [3]. Его идентичность определяется уровнем и качеством потребления, а основным вопросом жизни является дилемма: «должен ли человек потреблять, чтобы жить, или же он живет, чтобы потреблять» [30]. В результате большинство населения развитых стран сегодня превращается в «социальных рантье» [6], стремящихся к минимизации усилий ради получения минимума индивидуальных благ, позволяющих пребывать в искусственной реальности и отчужденных от самих себя.

Как следует из сказанного, культурная глобализация со свойственной ей идеологией консюмеризма обуславливает появление нового типа личности — «человека потребляющего» (*Homo consumens*), чьи

жизненные циклы представляют собой порочный круг, в котором одно желание сменяется другим, выполняя функцию двигателя экономики, а погоня за новыми соблазнами становится самоцелью. Личность этого типа экономически проявляется в «хроническом приобретении» товаров и услуг безотносительно их реальной необходимости, надежности, фирмы-производителя или последствий их производства и утилизации для окружающей среды [53].

Таким образом, «экономика желания» строится на «этике желания», «этике потребителя», в которой «гедонистические соображения эгоистической целесообразности» вытесняют «нравственный категорический императив», о чем предупреждал Питирим Сорокин [20. С. 807–809]. Все вышесказанное дает основания квалифицировать описанную экономическую модель как процесс деградации и «экономику пороков».

Культурная глобализация обуславливает появление нового типа личности — «человека потребляющего» (*Homo consumens*), чьи жизненные циклы представляют собой порочный круг, в котором одно желание сменяется другим, выполняя функцию двигателя экономики, а погоня за новыми соблазнами становится самоцелью.

В то же время представляется, что «экономика желаний» сама по себе не является ни однозначным злом, ни однозначным добром, поскольку человек не может существовать без желаний как побудительных мотивов действий и целеполагающей основы всего человеческого существования. Важно то, какие именно желания в этой экономической модели социально легитимируются и воспринимаются как этическая норма. Ведь именно характер желаний индивида, их этическая подоплека (эгоистическая или альтруистическая) и качество (возвышенность или низменность) являются индикаторами его ценности как социальной личности. Наложить табу на желания не только невозможно, но и бессмысленно, поскольку для этого необходимо «отменить человека» как такового [49]. Однако можно и нужно формировать культуру желаний, их нравственно-этическую подоплеку. В идеале общество должно сознательно осуществлять этическую и культурную нормализацию «экономики желаний», в то время как в современной цивилизации этика и культура регулирует поступки, т. е. последствия желаний и устремлений личности.

Экономика сотрудничества: «кто людям помогает, тот тратит время зря»?

Поделись улыбкою своей,
И она к тебе не раз еще вернется.

Глобализация является неоднозначным и многогранным процессом, который содержит как тенденции деградации, так и процессы развития. Наряду с «духовным СПИДом» потребительства и социальной аномии, присутствующим «экономике желаний», глобализация и технический прогресс предоставляют возможности для формирования экономических моделей, способствующих возникновению новых прогрессивных видов межличностного взаимодействия и, соответственно, новых форм социальной этики. Одной из них является «экономика сотрудничества», известная также как коллаборативная экономика, или экономика коллаборативного (совместного) потребления, или экономика сетевого обмена [41].

Эта модель базируется на типе социальных взаимоотношений «равный—равному», при котором индивиды и организации делятся друг с другом своими избыточными или простаивающими ресурсами или услугами, не полагаясь на предоставление их официальными структурами и тем самым создавая себе нестандартные возможности доступа к ресурсам. Отношения между субъектами этой модели, как индивидами, так и организациями, — могут строиться и на принципе долевого участия в распределении наличных человеческих и физических ресурсов. В частности, возможно совместное создание, производство, распределение, торговля, использование и потребление продуктов, товаров, услуг, способностей и талантов с активным применением информационных технологий, позволяющих создавать новые сообщества, организации и бизнес-структуры для частного и публичного секторов экономики. Экономика сотрудничества исходит из принципа, что ценность членов сообщества, делящихся друг с другом информацией о наличных товарах и услугах, возрастает как для бизнеса, так и для индивидов и всего сообщества.

В модели коллаборативного потребления ее участники имеют продукцию и услуги не в индивидуальном, а в совместном пользовании на принципе долевого участия. Здесь исходным является постулат, что платить за доступ к совместным ресурсам может быть выгоднее, чем владеть ими безраздельно. Хотя экономическая модель совместного (коммунального) владения ресурсами не является новой, поскольку она активно использовалась, в частности, в социалистической экономике, особенностью ее современной ипостаси является активное привлечение информационно-коммуникационных технологий как неотъемлемой составляющей глобализации. Череда изменений в технологиях, регулировании и экономике создала новую парадигму экономических

отношений, которые существовали и раньше, но получили толчок за счет Интернета. Рынок активно отреагировал на новый потребительский тренд, предложив множество новых сервисов аренды и совместного пользования, хотя на постсоветском пространстве их становлению препятствует слабо развитая транспортная и информационная инфраструктура.

Наиболее популярными среди услуг сетевого обмена являются, в частности:

— совместная аренда жилья, отелей для содержания домашних питомцев, автомобилей и велосипедов (сервис краткосрочной аренды автомобилей и велосипедов не у компании, а друг у друга);

— народное такси (владельцы автомобилей получают возможность заработать, беря с собой в поездку пассажиров, а те в свою очередь получают возможность добраться до места назначения дешевле, чем в официальных такси);

— курьерская доставка корреспонденции (позволяет оперативно передавать посылки по городу, не прибегая к услугам курьерских служб благодаря тому, что поручение заказчика за небольшую плату выполняют располагающие свободным временем пользователи сервиса);

— организация в жилых кварталах дежурств по кратковременному присмотру за маленькими детьми на то время, пока их родители заняты или отсутствуют;

— создание групп взаимопомощи по предоставлению образовательных услуг детям школьного и дошкольного возраста (родители объединяют свои усилия, чтобы поделиться с детьми знакомых, соседей или коллег своими знаниями и квалификациями (примером чему может служить, в частности, стартап «Услуги по-соседски» [24]) и т. д.

Экономика сотрудничества является мощным фактором, позволяющим стимулировать экономические отношения в кризисном обществе и в то же время смягчать их экологические последствия для окружающей среды посредством экономного использования ресурсов. Она открывает новые возможности для экспериментирования в области альтернативных, некапиталистических форм экономических отношений, в которых категории взаимовыгодного сотрудничества, взаимоподдержки и коммунитарности предпочитаются категориям эксплуатации, рыночной конкуренции и монетаризации человеческих отношений.

В терминологии Юрия Лотмана [14. С. 345—355] экономическую модель сетевого обмена можно трактовать как проявление «психологии обмена» и этики «вручения себя». В данной работе ее предлагается определять как этику «подельчивости», сочетающую в себе «этику сотрудничества» и «этику взаимности», что дает основание относить «коллаборативную экономику» к категории «экономик добродетелей».

Экономика дарения: социальная этика «волшебника в голубом вертолете»

Альтернативной моделью «экономики сотрудничества», основанной на немонетарных, коллаборативных принципах экономических отношений, является «экономика дарения», или «дарономика». Ее распространение стало возможным благодаря возникновению сетевого общества на основе ИКТ в процессе глобализации. Хотя сам термин был предложен около четверти столетия назад Льюисом Хайдом [45] для обозначения новых форм неоплачиваемого труда, получивших распространение в сети Интернет, по сути эта модель «новой и освобождающей экономики» [13. С. 127] является даже более древней, чем экономика денежного обмена, в оппозиции к которой она находится. Ее этическая основа строится на принципах альтруизма и безвозмездного служения, свойственных родоплеменному строю каменного века. В этой экономической модели общественного устройства ценные товары и услуги (а в современной форме — время, информация и идеи) передаются вне каких-либо договорных обязательств о награде.

Иначе говоря, в такой экономике отсутствует принцип бартерного обмена «услуга за услугу» [37. Р. 1—19]. В идеале регулярные акты дарения создают в обществе постоянную циркуляцию и перераспределение благ, оцениваемых на основе личного представления получателей об их ценности [47. Р. 830—851]. В исторической ретроспективе этот принцип распределения благ мог выступать, например, в качестве неформальной формы страхования получателей даров в экстренных случаях нехватки ресурсов или служить повышению их социального статуса. Принципы дарономики проповедовались анархо-коммунистами, преследовавшими идеалы экономической модели, лишенной частной собственности, денег, рынков и эксплуатации. В частности, таких взглядов придерживался П. А. Кропоткин, утверждавший, что сотрудничество более выгодно, нежели свободная конкуренция, и усматривавший в дарономике эффективный механизм для преодоления бедности и нищеты.

Теоретики современной «экономики информационного дарения» — как, например, Ричард Барбрук [28] — утверждают, что в условиях высоких технологий ее преимуществом является отсутствие ограничений физическими расстояниями, денежной системой и политическими режимами. С его точки зрения, Интернет по своей сути имеет «антикапиталистический» характер, поскольку его базисным ценностным принципом является открытый доступ к информации, который принят, в частности, в научно-академическом сообществе и хакерском сообществе свободного программного обеспечения. Так, именно на этих принципах базируется функционирование различных файлообменников, размещаются электронные ресурсы в интернет-энциклопедии «Википедия».

Однако Николас Карр отмечает, что, хотя в подобных утверждениях и есть доля истины, им свойственны некоторая наивность, близорукость и утопичность, поскольку их авторы игнорируют тот факт, что «дарономика» быстро поглощается рыночной экономикой. По сути, «экономика дарения» представляет собой «ловкий трюк» на основе краудсорсинга, при котором неоплачиваемый труд альтруистов эксплуатируется владельцами крупных интернет-компаний с корыстной целью получения прибыли [13]. Кроме того, исследования показывают, что в силу отсутствия четких ценностных критериев акты дарения могут провоцировать межличностные конфликты и способствовать социальному напряжению в обществе [60. P. 225—244].

Таким образом, в данной экономической модели, по крайней мере в ее современном варианте, за фасадом «экономики добродетелей» скрываются неэтичные принципы, служащие не общему благу, а эгоистическим устремлениям к личному обогащению лиц, наделенных властными полномочиями.

* * *

Обеспечение социальной когезии⁷ и порядка в социуме невозможно без урегулирования социально-этической составляющей общественных отношений. В традиционном обществе эту функцию выполняют институты религии и церкви, действующие в ограниченном совместном пространстве личных связей на основе принципов индивидуальной морали. В условиях всеобщей секуляризации и деградации этих институтов встает вопрос об альтернативных формах урегулирования социоэтических аспектов бытия. В современном обществе масштаб деятельности человека задается уже не столько индивидуальной моралью как таковой, сколько социальными институтами, определяющими характер индивидуальной морали и, соответственно, способы поведения индивида. В последнее время этими институтами выступают транснациональные компании, которые взяли на себя роль агентов глобальной социальной справедливости, инициировав движение за корпоративную социальную ответственность [58; 48]. Однако, по мнению аналитиков, с этой ролью они не справляются.

В контексте глобализации этическое измерение социальных и экономических отношений приобретает важное значение для гуманизации общества, поскольку процессы информатизации, технологизации и формирования виртуального пространства культуры требуют серьезного этического осмысления и контроля [18]. Поэтому формируется мнение, что сегодня социальная этика претендует на роль главной интегрирующей силы в современном обществе, подверженном значительной дезинтеграции и атомизации [8], в том числе на роль регулятора экономических отношений.

⁷ Когезия — связь между молекулами (атомами, ионами) рассматриваемого тела, характеризует его прочность и способность противостоять внешнему воздействию.

Разумеется, процесс глобализации не исчерпывается теми экономическими моделями социоэтических отношений, которые были проанализированы выше, — их спектр гораздо шире. Но все они, каждая по своему, являются реакцией на тот глубокий морально-нравственный кризис, с которым сегодня столкнулось глобальное капиталистическое общество. Одни из них, образно говоря, базируются на эгоистической и индивидуалистической «морали старухи Шапокляк», способствующей его углублению и ведущей к деградации и самоуничтожению человечества; другие же, основанные на альтруистической, кооперативной «философии крокодила Гены», направлены на преодоление кризиса и создают новые перспективы развития. Представляется, что для того, чтобы выбор современного человечества был конструктивным, необходимо пересмотреть саму суть социально-этических отношений, акцентируя необходимость осознания их как ответственности перед людьми в отличие от их нынешнего понимания как подчинения установленным нормам и правилам поведения [31]. Последние в условиях социальной аномии глобального многомерного кризиса размываются, вызывая девиантные формы социальности и «эскалацию безответственности» [9], и потому не способны обеспечить социальную когезию [12]. Это объясняет то, почему в «глобальном человечнике» «постсовременного общества», стоящего перед угрозой «деантропологизации» [4. С. 154], существует социальный заказ на старые, добрые «золотые правила нравственности», артикулированные в христианской этике: «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», «возлюби ближнего своего как самого себя» и «*mea culpa*»⁸.

Литература

1. **Абанкина Т.** Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. 2005. № 4 (25).
2. **Бендукидзе К.** Продать все, кроме совести // Комсомольская правда. 2014. 14.11.
3. **Ванн Д., Де Грааф Дж., Нэйлор Т.** Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру / пер. с англ. Н. Макаровой. Екатеринбург : Ультра : Культура, 2005.
4. **Гобозов И. А.** Государство и национальная идентичность: глобализация или интернационализация? М. : ЛИБРОКОМ, 2013.
5. **Давыдов Д., Фишман Л.** Будущее капитализма: от литРПГ к футурологии // Свободная Мысль. 2015. № 3.
6. **Давыдов Д., Фишман Л.** Грядущее рентное общество // Свободная Мысль. 2015. № 5.
7. **Даими Т.** Однополярная глобализация как цивилизационная угроза // Глобальный дискурс: анализ процессов глобализации в свете различных методологий : сборник статей / под ред. Л. В. Савина. Сумы : ЛТД «Университетская библиотека», 2003.

⁸ «Моя вина» (*лат.*). Этот принцип означает, что человек несет ответственность за последствия всех своих мыслей и поступков.

8. **Дедюлина М. А., Папченко Е. В.** Социальная этика : учебное пособие для студентов всех специальностей. Таганрог : Технологический институт ЮФУ, 2009.
9. **Деягин М.** Мировой кризис. Общая теория глобализации. М. : ИНФРА-М, 2003.
10. **Деягин М.** Чего мы не знаем? // Свободная Мысль. 2015. № 1.
11. **Долгин А.** Перепроизводство свободы как первопричина кризиса // Лекции PolitRu. 2008. 17.12. — <http://polit.ru/article/2008/12/17/dolgin/> (дата обращения: 31.01.2016).
12. **Кара-Мурза С. Г.** Кризисное обществоведение : курс лекций. М. : Научный эксперт, 2012. Ч. 2.
13. **Карр Н.** Великий переход: что готовит революция облачных технологий. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
14. **Лотман Ю. М.** «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // **Лотман Ю. М.** Избранные статьи. Таллин : Александра, 1993. Т. 3.
15. **Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В.** Homo consúmens — человек потребляющий // Век глобализации. 2009. № 2 (4).
16. **Махнач В. Л.** Они не знали друг друга... О сходстве мистического опыта и культурных систем Даниила Андреева и Джона Толкиена. 02.02.2015. — <http://mahnach.com/they-didnt-know-each-other/> (дата обращения: 31.01.2016).
17. **Николаева Н.** «Мы наблюдаем рост количества браков по любви»: Жан-Филипп Плато о том, как экономика помогает избавиться от гнета социальных норм. 12.01.2015. — <http://theoryandpractice.ru/posts/10074-plateau> (дата обращения: 31.01.2016).
18. **Попов Б. А.** Феномен социальной этики: на материалах русской философии XIX—XX вв. : автореф. дис... канд. филос. наук. Тула : Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2009.
19. **Радугин Е.** Нерожденные младенцы на продажу. — http://cont.ws/post/101956?_utl_t=tw (дата обращения: 31.01.2016).
20. **Сорокин П.** Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000.
21. **Стругацкий А., Стругацкий Б.** Понедельник начинается в субботу. Сказка для научных работников младшего возраста. М. : Детская литература, 1965.
22. **Толстокорова А.** Мы, дети галактики. Типы модальной личности в эпоху глобализации (эффект международной географической мобильности) // Свободная Мысль. 2015. № 5.
23. **Толстокорова А.** Социогуманитарные производные глобализации: гендерный эффект международной миграции и мобильности населения // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 3.
24. Услуги по-соседски. — <http://www.sokol-mama.ru/> (дата обращения: 31.01.2016).
25. **Федотова В. Г.** Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2005.
26. **Шифрин М. Е.** Шопинг против революции // Вокруг света. 2012. № 12 (2867).
27. **Эйдельман Д.** Логика истории против культуры изнасилования. 13.07.2015. — http://mnenia.zahav.ru/Articles/6299/logika_istorii (дата обращения: 31.01.2016).
28. **Varbrook R.** The Hi-Tech Gift Economy (1998). — <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/631> (дата обращения: 31.01.2016).
29. **Barnett T. P. M.** The Pentagon's New Map: War and peace in the twenty-first century. N. Y. : G.P. Putnam's Sons. 2004.
30. **Vauman Z.** Globalization: The Human Consequences. N. Y. : Columbia University Press, 1998.
31. **Vauman Z.** Postmodern Ethics. Blackwell ; Oxford : Polity Press, 1993.
32. **Beck U.** What is Globalization? Cambridge : Polity Press, 2000.

33. **Bernstein E.** *Economies of Desire: Sexual Commerce and Post-Industrial Culture*. PhD Diss. Berkeley : University of California Press, 2001.
34. **Bertman S.** *The Hyperculture. The human cost of speed*. ABC-CLIO, 2015.
35. **Bhaskar R.** *The Philosophy of metaReality: Creativity, Love, and Freedom (Classical Texts in Critical Realism)*, N. Y. : Routledge, 2012.
36. **Cagen S.** *Quirkyalone: A Manifesto for Uncompromising Romantics*. N. Y. : Harper Collins, 2004.
37. **Cheal D. J.** *The Gift Economy*. N. Y. : Routledge, 1988.
38. **Corneliussen C.** *Homo Sapiens Digitalis (2004)*. — <http://strategix.dk/pdf/digitalisdsk.pdf> (дата обращения: 31.01.2016).
39. **Escriva A.** *Aged Global Care Chains: A Southern-European Contribution to the Field*. Paper Presentation for the International Conference on Migration and Domestic Work in Global Perspective. Wassenaar, May, 2005. — <http://envejecimiento.sociales.unam.mx/articulos/conference.pdf> (дата обращения: 31.01.2016).
40. **French Sh., Kneale J.** *Speculating on Careless Lives: Annuitising the biofinancial subject // Journal of Cultural Economy*. 2012. Vol. 5. № 4.
41. **Gansky L.** *The Mesh: Why the Future of Business is Sharing*. — <https://informationdj.files.wordpress.com/2012/01/future-of-business-is-lisa-gansky.pdf> (дата обращения: 31.01.2016).
42. **Hochschild A. R.** *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*. Berkeley : University of California Press, 2003.
43. **Hsiu-Hua Sh.** *The Purchase of Transnational Intimacy: Women's Bodies, Transnational Masculine Privileges in Chinese Economic Zones // Asian Studies Review*. 2008. Vol. 32.
44. **Hughes D. M.** *The Internet and Sex Industries: Partners in Global Sexual Exploitation // IEEE Technology and Society Magazine*. 2000. Spring.
45. **Hyde L.** *The Gift: Imagination and the Erotic Life of Property*. N. Y. : Vintage, 1983.
46. **Inhorn M. C.** *Assisted' Motherhood in Global Dubai: Reproductive tourists and their helpers // The Globalization of Motherhood — Deconstructions and Reconstructions of Biology and Care / W. Chavkin, J. M. Maher (eds.)*. N. Y. ; L. : Routledge, 2010.
47. **Kranton R.** *Reciprocal exchange: A self-sustaining system // American Economic Review*. 1996. Vol. 86. Issue 4.
48. **Lekakis E. J.** *Coffee Activism and the Politics of Fair Trade and Ethical Consumption in the Global North: Political Consumerism and Cultural Citizenship*. L. ; N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013.
49. **Lewis C. S.** *The Abolition of Man*. Canada : Zamizdat University Press, 2014.
50. *Love and Globalization: Transformations of Intimacy in the Contemporary World / M. Padilla et al. (eds.)*. Nashville (TN) : Vanderbilt University Press, 2008.
51. **Maslow A.** *The farther reaches of human nature // Journal of Transpersonal Psychology*. 1969. Vol. 1. № 1.
52. **Mialon S. H.** *Declining Moral Standards and The Role of Law*. — http://economix.fr/pdf/workshops/2015_law_economics/SMialon.pdf (дата обращения: 31.01.2016).
53. **McGregor S.** *Consumer Citizenship: A Pathway to Sustainable Development*. Keynote at International Conference on Developing Consumer Citizenship. Nidaros, Norway, April 2002. — http://www.consultmcgregor.com/documents/keynotes/norway_keynote.pdf (дата обращения: 31.01.2016).
54. **O'Grady R.** *Eradicating Pedophilia: Toward the Humanization of Society // Journal of International Affairs*. 2001. № 55/1.
55. **Phelps E. S.** *Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change*. Princeton : Princeton University Press, 2013.
56. **Radin M. J.** *Contested Commodities*. Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1996.
57. **Sandel M. J.** *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*. L. : Allen Lane, 2012.

58. **Scammell M.** The Internet and Civic Engagement: The Age of the Citizen-Consumer // *Political Communication*. 2000. Vol. 17. Issue 4.
59. **Sen A. K.** *On Ethics and Economics*. Oxford ; N. Y. : Blackwell, 1987.
60. **Sherry J. F., McGrath M. A., Levy S. J.** The Dark Side of the Gift // *Journal of Business Research*. 1993. № 28.
61. **Shu-May Sh.** Gender and a New Geopolitics of Desire: The Seduction of Mainland Women in Taiwan and Hong Kong Media. *Signs* // *The Journal of Women in Culture and Society*. 1998. Vol. 23. № 2.
62. **Strenger C.** *The Fear of Insignificance: Searching for Meaning in the Twenty-first Century*. L. : Palgrave-Macmillan, 2010.
63. **Tettey W. J.** Globalization, the Economy of Desire, and Cybersexual Activity Among Ghanaian Youth // *Studies in Political Economy*. 2006. № 77.
64. **Tolstokorova A.** Costs and Benefits of Labour Migration for Ukrainian Transnational Families: Connection or Consumption? // *Les cahiers de l'URMIS. Circulation migratoire et insertions économiques précaires en Europe*. 2009. № 12.
65. **Venter H., Venter E.** Globalization and the Psychology of the New World Citizen: How the New Global Citizen Compares to Maslow's Level of Self Transcendence // *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. 2010. Vol. 5. Issue 7. ◆